БИБЛИОТЕКА ГВЛ

серия
ПОЛИТИКА

МИР, ЛЮБОВЬ И СВОБОДА

социум

Библиотека ГВЛ: Политика

Сборник статей

Мир, любовь и свобода. Как жить без войн

«Интермедиатор»

УДК 172.4
ББК 87.751.5

Сборник статей

Мир, любовь и свобода. Как жить без войн / Сборник статей — «Интермедиатор», — (Библиотека ГВЛ: Политика)

ISBN 978-5-91603-676-3

Статьи, опубликованные в настоящем сборнике, представляют эмпирические данные и логические аргументы в пользу мира. Мир обосновывается не просто как моральный идеал или желаемая цель, а как первоочередная практическая задача. Авторы сборника исследуют экономические, социальные, политические и психологические условия мира; выявляют причины войн — например, ложные концепции вроде «столкновения цивилизаций», «экономического конфликта», «протекционизма» и мировоззрения, основанного на идее «нулевой суммы», — чтобы затем развенчать их. Авторы обращаются к разуму. Они опираются на глубокое историческое знание, экономическую реальность, эмпирическую психологию, политическую науку, а также на искусство и эстетическое воображение.

УДК 172.4
ББК 87.751.5

ISBN 978-5-91603-676-3

© Сборник статей
© Интермедиатор

Содержание

Предисловие 6
1 8
Война – это организованное человеческое насилие 9
Если войну все же можно оправдать, то в каком случае? 11
Война – здоровье государства 14
Кто несет ответственность? 16
Свобода и мир 18
2 19
Четыре причины, по которым отступление войны совместимо с реалистическим взглядом на человеческую природу 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Мир, любовь и свобода. Как жить без войн
Сборник статей

PEACE. LOVE, & LIBERTY
War Is Not Inevitable
Edited by Tom G. Palmer

© ООО «ИД «Социум», 2015

* * *

Серия «Библиотека ГВЛ» основана в 2005 г. в память об ученом, политике, предпринимателе **Г**еннадии **В**икторовиче **Л**ебедеве (1957–2004)

Предисловие

Люди должны учиться ненавидеть, и если они смогут научиться ненавидеть, их можно научить любить: ведь любовь более естественно входит в сердце человеческое, чем ее противоположность.
Нельсон Мандела[1]

Война учит ненавидеть: ненавидеть наших врагов, наших соседей, ненавидеть тех, кто не похож на нас. Мир позволяет людям любить, превращать врагов в друзей, заменять столкновение сотрудничеством, а ненависть – любовью и дружбой.

Что способствует миру? Ответ очевиден: свобода. Что подрывает свободу? Ответ тоже очевиден: война.

Статьи, входящие в эту книгу, посвящены обоснованию необходимости мира. Их авторы рассматривают мир не только как моральный идеал и не просто как желанную цель, но прежде всего как насущную практическую задачу. Пацифисты слишком часто думали, что достаточно просто призывать к миру и осуждать войну; они не задавались вопросом, какие институты способствуют миру и препятствуют войне, не изучали экономические, социальные, политические и психологические предпосылки мира. Они могут выступать против той или иной конкретной войны, но слабо представляют, почему вообще возникают войны, и не разбираются в этих причинах. Мир отнюдь не является неосуществимой мечтой или чем-то таким, ради чего приходится жертвовать процветанием, прогрессом и свободой. На самом деле мир, свобода, процветание и прогресс идут рука об руку.

Статьи этого сборника обращены к разуму. Они основаны на глубоком знании истории, экономических реалий, эмпирической психологии и политики; им свойственна строгая логичность, но не чужда и художественная, эстетическая образность. Чтобы сердце обратилось к миру, оно должно получить убеждение от разума.

Авторы сборника привлекают для своих рассуждений такие дисциплины, как психология, экономика, политология, история, юриспруденция, социология, этика, а также поэтика, литературоведение и эстетика. Все они помогают понять, что такое война и мир. Каждая статья интересна и полезна сама по себе. Читать их можно в любом порядке. Некоторые имеют строгое научное оформление; другие, будучи не менее серьезными, обходятся без сносок. Общая цель состоит в том, чтобы сделать важные проблемы доступными для широкого круга заинтересованных читателей, предоставить им доводы разума и факты, свидетельствующие о неразрывной связи свободы и мира. (Миру и свободе уделено больше внимания, чем любви, по одной простой причине: мир и свобода – нечто такое, к чему можно стремиться совместно и организованно; любовь же есть то, чего каждое сердце должно искать самостоятельно. Поэтому главное внимание авторы посвящают институтам и идеологиям войны и мира – в надежде, что мир будет избран, ненависть отвергнута, а любовь станет возможной.)

Сборник «Мир, любовь и свобода» – совместный издательский проект двух организаций: tlas Network и Students For Liberty. Обе они действуют во всем мире: у них есть отделения и рабочие проекты на всех континентах. Они не связаны с госструктурами. Они выступают за универсальные ценности, т. е. за мир, всеобщую свободу и равенство перед законом. Они создают и поддерживают организации, которые действуют в интересах мира, свободы и справедливости и, в частности, следят за тем, чтобы государство не выходило за конституционные рамки, чтобы соблюдалась свобода слова и вероисповедания, обеспечивалась защита добросовестно приобретенной собственности, соблюдались права на мирный протест, не ущемлялась

[1] Nelson Mandela, *Long Walk to Freedom* (New York: Little, Brown and Company, 1995), p. 622.

свобода торговли и свобода рынка. Авторы сборника показывают, каким образом эти идеи – идеи «классического либерализма» (или «либертарианства», как его принято называть в некоторых странах) – взаимодействуют и подкрепляют друг друга. Их статьи вносят вклад в изучение проблемы мира с позиций либеральной (или либертарианской) школы мысли, – традиции, основанной на идее добровольного человеческого сотрудничества[2].

Корни этой традиции уходят глубоко в историю. Они различимы в сочинениях китайского мудреца Лао-цзы и великих религиозных лидеров. Они отчетливо заметны в работах Марка Туллия Цицерона – выдающегося оратора, философа и политика, который возносил красноречие и разум над жестокостью и силой. В известном трактате «Об обязанностях» Цицерон писал: «Итак, у всех людей должна быть лишь одна цель: одна и та же польза для каждого в отдельности и для всех сообща; если каждый станет рвать ее себе, то вся общность человеческой судьбы будет нарушена. Более того, если природа велит человеку хотеть, чтобы о другом человеке, кем бы он ни был, была проявлена забота уже по одной той причине, что он – человек, то, по велению все той же природы, польза должна быть общей для всех людей. Раз это так, то все мы подчиняемся одному и тому же закону природы, а если это именно так, то закон природы, несомненно, воспрещает нам посягать на интересы ближнего»[3].

Эта книга говорит о недопустимости насильственных действий. Она убеждает в том, что есть мирная альтернатива применению силы. Она посвящена всем сторонникам мира и свободы. Я надеюсь, что нынешнее молодое поколение доживет до старости в условиях мира и свободы и оставит наш мир более миролюбивым, справедливым и свободным, чем нашло его.

Тем, кто стремится к этой цели, книга даст полезную пищу для размышлений.

Том Палмер
Найроби, Кения

---

[2] Дополнительную информацию об идеях либерализма можно найти в другой книге данной серии: *Why Liberty*, Tom G. Palmer, ed. (Ottawa, Ill.: Jameson Books, 2013).

[3] Об обязанностях III 26–27 (*Цицерон*. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975. С. 130). Chapter: Universal Peace, Originally published in The National Gazette, February 2, 1792.

1
Том Палмер
Мир – это реальная альтернатива

Всеобщий и устойчивый мир, к сожалению, относится к ряду тех явлений, которым есть место разве что в отвлеченном воображении мечтателей или в сердцах благородных энтузиастов. Вместе с тем несомненно, что война содержит в себе столько неразумия и порочности, что во многом остается возложить надежду на прогресс разума. Но если остается на что-то надеяться, ради этого следует приложить все усилия. Джеймс Мэдисон[4]

Какова природа войны? Действительно ли война – неотъемлемая черта человеческой жизни? Может ли она иметь оправдание, и если да, то при каких условиях? Каково воздействие войны на нравственность и свободу?

Войны возникают не случайно. Их нельзя сравнивать с торнадо или метеоритами, – и не только потому, что войны могут принести неизмеримо больше разрушений. Гораздо важнее другое: в отличие от войн торнадо и метеориты появляются не в результате человеческого выбора и человеческих решений. Войны порождаются людьми. Существуют идеологии, которые пропагандируют войну. Существуют политические программы, которые делают ее более вероятной. Эти идеологии и политические позиции можно изучать, сопоставлять и рационально обсуждать. Можно думать, что «все хотят мира», но это будет ошибкой. В основу многих идеологий заложены конфликт и насилие. И даже если их пропагандисты публично заявляют, что они против войны и за мир, предлагаемая ими политика объективно способствует внезапному перерастанию таких конфронтаций в войну. Как верно заметил один из ключевых представителей американского Просвещения и авторов Конституции США, Джеймс Мэдисон, «война содержит столько неразумия и порочности», что мы должны сделать все возможное для ее предотвращения.

Можно ли сказать о войне что-нибудь такое, что еще не было сказано? Вот я ввел запрос «war» (война) в гугле и за 0,49 секунды получил ответ: «Результатов примерно 536 000 000». И это только на английском. За 0,23 секунды: «Результатов примерно 36 700 000» – это на французском (guerre); за 0,30 секунды: «Результатов примерно 14 700 000» – на немецком (Krieg). На китайском я за 0,38 секунды получил «примерно 55 900 000 результатов» при написании упрощенными иероглифами (##), а за 0,34 секунды «примерно 6 360 000 результатов» при написании традиционными (##). (На русском поиск на слово «война» гугл выдает 66 500 00 результатов за 0,48 секунды. – *Ред.*) Можно ли к этому что-то добавить?

И все же одну очень важную вещь добавить *можно*. Следует внести в обсуждение *больше разума*, или, как предложил Мэдисон, «возложить надежду на прогресс разума».

[4] James Madison, *The Writings of James Madison, comprising his Public Papers and his Private Correspondence, including his numerous letters and documents now for the first time printed*, ed. Gaillard Hunt (New York: G.P. Putnam's Sons, 1900). Vol. 6. Chapter: Universal Peace, Originally published in The National Gazette, February 2, 1792.

Война – это организованное человеческое насилие

В словарях война обычно определяется как «состояние вооруженного конфликта между народами или государствами или между группами внутри народа или государства». Примерами такого прямого значения могут служить высказывания: «Австрия вела войну с Италией» или «Между Австрией и Италией была война». Можно употреблять термин «война» и в переносном значении, скажем: «Он воевал с соседями» или «Правительство начало войну с наркотиками». В этой книге он используется в первом значении, т. е. означает вооруженный конфликт между государствами. (Конечно, в «войне с наркотиками» тоже бывают вооруженные столкновения, но эти действия либо предпринимаются государствами против торговцев наркотиками и их клиентов, либо связаны с выяснением отношений между соперничающими наркодельцами; это не конфликт между государствами.)

«Вооруженный конфликт» подразумевает применение смертельного насилия. На войнах люди умирают. Но они не просто умирают: их убивают другие люди. Война и применение вооруженной силы означают убийство людей. Военные сознают эту несомненную истину. Политики часто не хотят ее замечать. Довольно привести знаменитый вопрос, который Мадлен Олбрайт (тогда постоянный представитель США при ООН, а впоследствии государственный секретарь) задала председателю Объединенного комитета начальников штабов генералу Колину Пауэллу: «Вот вы постоянно расхваливаете армию; но зачем нам эта прекрасная армия, если мы не можем ее использовать?»

В своих воспоминаниях Пауэлл писал: «Я думал, меня удар хватит». И правда, мог хватить. Олбрайт по традиции считала вооруженные силы одним из орудий государства, предназначенных для реализации ее планов. Пауэлл объяснил, что «американские военнослужащие – это не игрушечные солдатики, которых можно передвигать на какой-то глобальной игровой доске», и что «мы не должны применять вооружены силы, пока не возникла безусловная политическая необходимость». Как военный человек, генерал Пауэлл понимал: когда вооруженные силы «используют», умирать будут не игрушечные солдатики и не шахматные фигуры, а реальные люди[5].

Помню, много лет тому назад я беседовал с отставным контр-адмиралом американского флота Джином Лароком; говорили мы об использовании вооруженных сил. Адмирал выражался с военной прямотой (цитирую по памяти): «Задача вооруженных сил – уничтожать противника и лишать его способности наносить урон нам. Мы хороший мост не построим, – разве только для того, чтобы пропустить танки. Мы не знаем, как учить детей читать и писать. Мы не умеем разъяснять людям, что такое закон и демократия. Убить врага и лишить его возможности вредить нам – вот это мы умеем. Когда вам действительно понадобится убивать и разрушать, тогда и обращайтесь к нам, с остальным – не к нам». Война – это убийство людей. Тем, кто не любит говорить об этом, порой приходилось видеть убийство лично и близко или убивать самим.

Люди, которые по собственному опыту знают, что такое война, воспринимают ее совсем иначе, чем профессора политологии, подобные Мадлен Олбрайт. Будучи официальным представителем Соединенных Штатов, она открыто и искренне одобряла бомбардировки Ирака, унесшие множество невинных жизней. На одной из публичных конференций в США, посвященной войне в Ираке, один из участников сказал Мадлен Олбрайт: «Мы не хотим ничего доказывать Саддаму Хусейну кровью иракских людей. Если вам нужно разобраться с Саддамом, разбираетесь с ним, а не с иракским народом».

---

[5] Colin Powell, *My American Journey* (1996; revised ed., New York: Ballantine Books, 2003), p. 576.

Олбрайт ответила в своем традиционном духе: «То, что мы делаем, мы делаем для того, чтобы все вы могли спать спокойно. Мы – величайшая страна в мире [пауза, аплодисменты], и то, что мы делаем, мы делаем как незаменимая страна, желающая добиться более безопасного мира для наших детей и внуков, для всех стран, которые соблюдают нормы»[6].

Чтобы оправдать репутацию «незаменимой страны» и «добиться более безопасного мира для детей и внуков», Олбрайт и ее коллеги выступали за бомбардировки Ирака и экономические санкции, которые грозили дорого обойтись иракскому народу. При Клинтоне вторжение в Ирак не произошло; его осуществил следующий президент, Джордж Буш. Но Олбрайт и ее коллеги полностью поддержали разрушительную и безумного дорогую авантюру администрации Буша. Были ли эти решения продуманными и оправданными? Как выяснилось, нет. Они не имели достаточного основания, оправдывающего их выполнение. Не было веских доказательств, что Ирак разрабатывает «оружие массового уничтожения», которое может быть применено «через 45 минут» после получения соответствующего приказа. Не было точно установлено, что режим Хусейна причастен к террористическим актам 11 сентября 2001 г., – хотя официальные представители правительства заявляли обратное.

Во что же все это вылилось? Точное число жертв войны в Ираке установить сложно, и этот вопрос до сих пор вызывает разногласия. Но более или менее очевидно, что в ходе вторжения погибли десятки тысяч иракских солдат; американцы, англичане и их союзники потеряли несколько тысяч убитыми и несколько десятков тысяч ранеными. С 2003 по 2011 г. погибли (по самой осторожной оценке) 118 789 гражданских лиц; в основном они стали жертвами чудовищно жестокой гражданской войны и борьбы за власть, спровоцированной вторжением и оккупацией[7].

А сколько богатства было потеряно? Только правительство США заняло около 2 триллионов долларов на финансирование военных действий в Ираке и Афганистане (по времени эти операции частично совпадают, и их нецелесообразно рассматривать отдельно друг от друга), а общие затраты на две кампании составили, по самым скромным подсчетам, 4 триллиона долларов (приведенных к настоящему моменту). Скорее всего, они были значительно больше[8]. Англия и другие страны тоже потратили очень много. Инфраструктура Ирака сильно пострадала. Стоило ли тратить столько жизней и столько денег, чтобы вызвать столько смертей и разрушений?

---

[6] “US Policy on Iraq draws fire in Ohio,” CNN Special Report, «The Standoff with Iraq», February 18, 1998, – http://edition.cnn.com/WORLD/9802/18/town.meeting.folo/. Хиллари Клинтон, супруга позапрошлого президента, была членом Сената в то время, когда происходило голосование по Ираку. В 2006 г., во время выдвижения кандидатов от Демократической партии на президентские выборы, ее попросили разъяснить, почему она выступала за применение военной силы. Клинтон ответила: «Конечно, если бы мы тогда знали то, что знаем сейчас, вопрос вообще не стоял бы на голосовании, а я, разумеется, не голосовала бы так» (Toby Harnden, «Clinton shifts over Iraq as Obama threatens», *The Telegraph*, December 20, 2006, http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1537474/Clintonshifts-over-Iraq-as-Obama-threatens.html). (Возможно, прежде чем голосовать, ей следовало бы подумать, не обернутся ли дела так плохо, или прислушаться к тем многим, кто уже тогда предупреждал о катастрофических последствиях, которыми грозит задуманная война.)

[7] Iraq Body Count Project, http://www.iraqbodycount.org/database/.

[8] Linda J. Bilmes, «The Financial Legacy of Iraq and Afghanistan: How Wartime Spending Decisions Will Constrain Future National Security Budgets», Harvard Kennedy School Faculty Research Working Paper Series, March 2013, RWP-13-006.

Если войну все же можно оправдать, то в каком случае?

Мало кто согласится с Олбрайт, что правомерно вести войну, т. е. убивать, ради поддержания престижа «незаменимой страны». (Хотя, конечно, такие люди есть.) Но давайте возьмем более сложный случай. Если война начата ради «более безопасного мира для наших детей и внуков», не будет ли она оправданной? «Какова вероятность того, что, убивая одних людей сейчас, мы сделаем будущее положение других людей более безопасным?» Для ответа на такой вопрос нужны факты. Подобное убийство, *возможно*, и улучшит нашу дальнейшую безопасность, но на тех, кто выступает за войну, в любом случае лежит главное бремя доказательства. А те, кто выступал за войну США против Ирака, не стали утруждать себя сбором доказательств.

Справедливость войны – как оправданность ее инициирования, так и соблюдение норм ее ведения – давно обсуждаемая тема. Правомерность объявления войны обозначается латинским термином jus ad bellum в отличие от правовых норм ведения военных действий, jus in bello. Эти два аспекта нередко рассматриваются как отдельные предметы. Оправданна ли война и допустимы ли методы, которыми она ведется? Многие известные правоведы и философы рассуждали и спорили о том, чем можно оправдать открытие военных действий, должны ли быть – раз уж война началась – моральные и правовые ограничения на использование силы, и если да, то какие именно.

Позволительно ли начинать войну ради защиты достоинства правителя или страны, ради престижа «незаменимой страны», ради захвата ценных земель и ресурсов, ради защиты чьих-то интересов или жизней граждан страны? А если война уже идет, разрешено ли убивать только вооруженных противников на поле боя или можно убивать пленных и членов семей вражеских солдат, в том числе детей (которые могут стать солдатами)? С течением времени военные действия обрастали все большим количеством запретов, а правила их ведения становились предметом различных соглашений и конвенций.

Совокупность всех этих положений обозначается сейчас терминами «законы и обычаи войны» и «теория справедливой войны»[9]. Существует мнение, что jus in bello, т. е. соблюдение норм поведения на войне, действительно вне зависимости от того, справедлива ли война. Вместе с тем, принято считать, что если война справедлива, т. е. ведется за правое дело, тогда для достижения победы оправданны любые средства, какими бы нежелательными или предосудительными они ни были сами по себе.

С точки зрения тех, кого заботит оправданность и правомерность, этот традиционный подход как раз и не позволяет ответить на вопрос, соответствует ли сама война критерию справедливости (jus ad bellum). В своей книге «Война и нравственность» (On War and Morality) Роберт Холмс высказывает весьма убедительное мнение: «Не цель оправдывает средства, а, напротив, допустимость средств (учитывая, что убийство и разрушение заложены в самой природе войны) вкупе с соблюдением прочих условий jus ad bellum служит оправданием цели» [10]. На войне убивают не только «злодеев»; в число «сопутствующих потерь» попадают совершенно невинные люди. Если ничем нельзя оправдать убийство людей и разрушение жизненно важных объектов, то нельзя оправдать и сам процесс – войну. Отсюда следует: «Чтобы оправдать открытие военных действий, необходимо прежде всего оправдать выбор средств. Вступление в войну и применение выбранных средств – это не две отдельные задачи… Невозможно оправ-

[9] Философские аргументы подробно изложены и проанализированы в: Richard Tuck, *The Rights of War and Peace: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant* (Oxford: Oxford University Press, 1999). Значимые соглашения и прочие юридические документы собраны в: Adam Roberts and Richard Guelff, eds., *Documents on the Laws of War* (Oxford: Oxford University Press, 2001).

[10] Robert Holmes, *On War and Morality* (Princeton; Princeton University Press, 1989), pp. 178–179.

дать применение военной силы без предварительного обоснования методов, которыми предполагается вести войну»[11].

Планирование войны будет морально безответственным, если оно ограничивается только ее формальными целями, – ими могут быть возвращение исторических территорий, защита чести и достоинства, выполнение обязательств, ответ на агрессию или иные задачи, – и не принимает во внимание неизбежные последствия. Холмс справедливо констатирует: «Война по сути своей есть организованное насилие, т. е. сознательное и систематическое причинение смерти и разрушения. И она сохраняет свою природу вне зависимости от того, какие средства применяются, – атомные бомбы или луки со стрелами»[12].

С полным игнорированием этого обстоятельства я столкнулся около десяти лет назад, когда работал в охваченном войной Ираке и прилетел в Канаду на конференцию. Одна из участниц пожаловалась мне, что Канада не присоединилась к «Коалиции доброй воли», которая вторглась в Ирак и свергла кровавую тираническую клику Саддама Хусейна и его баасистской партии. Я сказал, что ей лучше радоваться тому, что правительство ее страны решило *не* участвовать во вторжении и оккупации.

Потом, уже на самой конференции, я пересказал багдадские «уличные слухи»: говорили, что новая иракская полиция получила приказ расстреливать тех, кто был схвачен при закладке взрывных устройств, и что высокопоставленный чиновник лично расстрелял арестованного, чтобы продемонстрировать решимость властей. От взрывных устройств тогда погибало много военных и гражданских лиц. (Я не знал и не знаю, правду мне рассказывали или нет. Я просто передал то, что сам слышал от нескольких иракцев.) Та самая дама, которая очень хотела вступления Канады в войну, была крайне шокирована и заявила, что «надо что-то делать». Я сказал, что, прежде чем одобрять войну, ей следовало бы представить возможность подобных эксцессов. Ведь такие вещи «случаются» на войне. А иначе что получается: мы, не подумав, выступаем за войну, а потом ужасаемся тому, что она приносит насилие, кровь и даже преступления.

Война не только приводит к непредусмотренным жертвам, которые, так сказать, «не учитываются» в решении начать ее. Война меняет человеческий характер. Моральные ориентиры теряют не только некоторые участники военных действий, но порой и те, кто в них не участвует. Сотрудник журнала «Time» Джо Клейн – маститый журналист, сторонник президента Обамы. В одной телепередаче он столь пылко защищал санкционированные администрацией Обамы обстрелы с беспилотников, что заявил буквально следующее: «Да, правильно, если их используют не как надо. Такое, конечно, очень может быть, – если только наверху не те люди. Но у нас-то что в итоге? Чьих четырехлетних детей убивают? Мы как раз и делаем все, чтобы всякие террористы не могли убивать четырехлетних детей здесь»[13].

Если отвлечься от неприкрытого реверанса в сторону Обамы («Такое, конечно, очень может быть, – если только наверху не те люди»), просто трудно представить столь бессердечное оправдание убийства четырехлетних детей. Но г-н Клейн не стал извиняться. Защищая войны, которые ведут «правильные люди», их апологеты теряют моральные ориентиры.

По этой и другим причинам всегда и при всех обстоятельствах следует исходить из презумпции избегания войны. Бремя доказательства лежит на тех, кто хочет начать войну или

---

[11] Ibid., p. 179.

[12] Ibid., p. 180. Холмс добавляет: «Поскольку начинающий войну не может не понимать, что ему придется совершать подобные действия, достаточное обоснование войны требует столь же полного обоснования этих действий. И сначала следует обосновать правомерность применения убийства и насилия: это послужит необходимым условием оправданности достижения *любых* целей войны *любыми средствами* (и следовательно, необходимым условием соблюдения требований как jus ad bellum, так и jus in bello).

[13] Цитируется с приложением полной видеозаписи в: Glenn Greenwald, «Joe Klein's sociopathic defense of drone killings of children», *The Guardian*, October 23, 2012, http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/oct/23/klein-drones-morning-joe?newsfeed=true.

вступить в нее. Чтобы это доказательство стало убедительным, нужно привести чрезвычайно веские доводы. Кто-то скажет, что столь убедительных доводов в принципе не бывает. Другие скажут, что можно с достаточным основанием оправдать оборонительную или превентивную войну при наличии реальной угрозы. Но в любом случае переход к военным действиям должен быть обоснован исчерпывающим образом. Кроме того, война допустима лишь в целях самообороны и ни в коем случае не должна вестись ради захвата территорий или просто ради защиты «достоинства» и демонстрации «верности». Если уверенности *нет*, логика бремени доказательства требует выступать *против* войны. Здесь нет места для промежуточности, нейтралитета или «может быть». Если война не имеет достаточного обоснования, значит, ее нельзя допускать. Вопрос стоит только так: да или нет.

Война – здоровье государства

Война – это здоровье государства. Она автоматически запускает в обществе непреодолимое стремление к единообразию, к страстному сотрудничеству с государством в подавлении миноритарных групп и индивидов, которые лишены широкого стадного чувства.
Рэндольф Бурн[14]

Война на каждом шагу бросает вызов праву и подрывает его верховенство. Она концентрирует полномочия в руках исполнительной власти и предоставляет готовое оправдание для любого злоупотребления полномочиями. В этой связи можно упомянуть недавние разоблачения в отношении обширной и весьма сомнительной с точки зрения закона системы шпионажа и слежки. Еще несколько лет назад такая система была бы сочтена фантазией параноика; а теперь ее оправдывают интересами «войны с террором».

Война увеличивает власть правительства и его возможности применять принуждение. С каждой новой войной чрезвычайные полномочия прибавляются, и их отмена (если она вообще удается) требует все больше времени и усилий. Как и другие кризисные ситуации, война создает «эффект храповика», который переводит нажим государства на более высокую ступень; после войны этот нажим может ослабеть, но редко возвращается к довоенному уровню. Как отмечает историк экономики Роберт Хиггс, усиление власти происходит в порядке реакции на «кризисы», особенно на войны и депрессии: «С началом кризиса правительство расширяет свою реальную компетенцию в сфере принятия экономических решений», а «после кризиса эти добавочные полномочия сокращаются не в полной мере и оставляют правительству больше власти, чем оно имело бы, не будь кризиса»[15]. Война служит оправданием для принудительного труда (в форме воинской повинности), повышения налогов, конфискаций и реквизиций товаров, нормирования потребления и обобществления средств производства. Новые государственные ведомства, новые полномочия и налоги – все эти меры можно обосновать ссылкой на их необходимость для «победы в войне», «разгрома врага» и «спасения нации». Война порождает коллективизм и этатизм.

Война приносит налоги и государственные долги. Вот бесстрастное объяснение Томаса Пейна: «Война есть общая жатва для всех, кто имеет отношение к распределению и расходованию государственных денег; и это одинаково для всех стран. Это своего рода завоевание внутри страны: его цель – увеличение дохода; а поскольку доход невозможно увеличить, не поднимая налоги, нужен убедительный предлог для увеличения расходов. Озирая историю английского государства, его войн и налогов, наблюдатель, не ослепленный предвзятостью и не увлеченный личным интересом, несомненно, признает: не налоги вводились ради ведения войн, а, напротив, войны затевались ради введения налогов»[16].

Война, как ничто иное, способна оправдать увеличение налогового бремени. По весьма обоснованному мнению Маргарет Леви, история государств продемонстрировала, что «самое приемлемое оправдание налогов – это война»[17].

---

[14] Randolph Bourne, «The State», in Randolph Bourne, *The Radical Will: Selected Writings 1911–1918* (Berkeley: University of California Press, 1992), pp. 355–395, p. 360.

[15] Robert Higgs, *Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government* (Oxford: Oxford University Press, 1987), p. 73 [см.: *Хиггз Р.* Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН, 2010].

[16] Thomas Paine, *The Rights of Man, Part I*, in Paine, *Political Writings*, ed. by Bruce Kuklick (Cambridge: Cambridge University Press, 1989), p. 86 [*Пейн Т.* Права человека // *Пейн Т.* Избранные сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1959].

[17] Margaret Levi, *Of Rule and Revenue* (Berkeley: University of California Press, 1988), p. 105.

Во время войны критика властей считается изменнической, пораженческой и антипатриотичной. Гражданские свободы ограничиваются, вводится цензура, газеты закрываются и поощряется слежка за гражданами. Соотечественников объявляют врагами, их демонизируют, преследуют, подвергают аресту, сажают в тюрьму, высылают или убивают.

Наконец, война освобождает правительство от обязанности отчитываться за свои действия, позволяет ему преследовать собственные цели под предлогом заботы о стране. Она дает политическим элитам возможность консолидировать влияние, отвлечь внимание от внутренних проблем и объединить общественное мнение в поддержке действующих правителей. В драме «Генрих IV» (часть 2) Уильям Шекспир со свойственной ему образностью показал политические возможности войны. Вот сцена, когда старый король вызывает сына и объясняет, какую политическую пользу может принести заграничный поход:

У всех, кого я в качестве друзей
Тебе препоручаю, лишь недавно
Я вырвал жала и спилил клыки.
Их мятежи мне дали власть. Их бунты
Всегда могли свалить меня. Одних
Я устранил с пути. Других вниманье
Хотел отвлечь войной в святой земле.
Поставь себе за правило, мой Гарри:
Наполни беспокойные умы
Походами, заморскими делами,
Отправь подальше шумных непосед
И на чужбине дай им развернуться,
Чтоб прошлое забвеньем поросло[18].

«Наполнить беспокойные умы походами и заморскими делами» – испробованный политический прием. Он один и тот же везде: на Востоке и на Западе, на Севере и на Юге, в демократиях и диктатурах. Это инструмент власти. И он во многих случаях работает.

[18] *Шекспир*. Генрих IV. Часть 2, действие 4, сцена 5 (перевод Б. Пастернака).

Кто несет ответственность?

Организованное насилие обходится очень дорого: за него расплачиваются жизнями, свободой и материальным благополучием. Оно редко соответствует критерию рациональной обоснованности. И после войны справедливость тоже редко торжествует. Побежденных карают, но победители редко предстают перед судом за то, что они сделали со своими жертвами. Так было во все времена. Один из величайших борцов за соблюдение законности, римский философ и сенатор Катон Младший, публично обвинил в тяжком военном преступлении Юлия Цезаря, одного из самых беспощадных убийц в истории. Вот как историк Плутарх описывает эту достойную внимания сцену в римском сенате: «Когда Цезарь, отважно вторгшись в земли воинственных племен, одержал победу и распространился слух, будто он напал на германцев во время перемирия и перебил триста тысяч, все считали, что народ, в благодарность за радостную весть, должен принести жертвы богам и справить праздник, и только Катон настоятельно советовал выдать Цезаря тем, кто пострадал от его вероломства, не брать ответственность за преступление на себя и не возлагать ее на государство. “Нет, – воскликнул он, – давайте за то поблагодарим богов жертвами, что безумие и безрассудство полководца они не вменили в вину воинам и по-прежнему щадят наш город!”»[19].

Нечего и говорить, что Цезаря не взяли под стражу и не выдали немногим уцелевшим германцам. Им не предоставили возможности покарать Цезаря за массовое убийство соплеменников. А сам Цезарь в своих «Записках о Галльской войне» открыто одобряет собственное поведение. Вот, в частности, что он рассказывает (повествуя о себе в третьем лице). К Цезарю явилась мирная делегация германских вождей; он ее задержал и, пользуясь случаем, напал на вражеский лагерь. Не ожидавшие этого германские воины попробовали было сопротивляться. «Но, – продолжает Цезарь, – вся остальная масса, состоявшая из женщин и детей (они оставили родину и перешли через Рейн всем народом), бросилась бежать врассыпную; в погоню за ними Цезарь послал конницу. Когда германцы услыхали у себя в тылу крик и увидали избиение своих, то они побросали оружие, оставили знамена и кинулись из лагеря; но, добежав вплоть до того места, где Моса [Маас] сливается с Рейном, должны были отказаться от дальнейшего бегства: очень многие из них были перебиты, уцелевшие бросились в воду и погибли, не справившись ни со своим страхом и утомлением, ни с силой течения. Наши все до одного, за исключением весьма немногих раненых, благополучно вернулись в лагерь, избавившись от очень опасной войны, так как число неприятелей доходило до четырехсот тридцати тысяч»[20].

Многие ли сегодня знают, что Юлий Цезарь лично руководил хладнокровным истреблением сотен тысяч людей, совершенным в один день? Один лишь Катон-стоик осудил преступление Цезаря и впоследствии заплатил за это жизнью. После Второй мировой войны за преступления судили побежденных, но, как и следовало ожидать, мало внимания было уделено преступному поведению государственных деятелей и военнослужащих стран-победительниц. В первую очередь это относится к СССР, но также к китайским режимам (гоминдановскому и коммунистическому), к США и Великобритании. В двух последних странах прошло несколько заседаний военных судов, но они редко выносили обвинительные приговоры за убийство военнопленных[21].

---

[19] *Плутарх*. Катон 51 [*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. М., 1994. С. 252].

[20] *Цезарь*. Записки о Галльской войне IV 14–15 [Записки Юлия Цезаря. М., 1993, с. 76].

[21] Чтение отчетов о разгуле насилия в эти годы – тяжелое занятие. Войну развязали страны Оси (вместе с советскими союзниками Германии). Некоторые военные и политические лидеры стран Оси понесли заслуженное наказание, но вина за убийства лежала не только на них. В большинстве своем преступления остались совершенно безнаказанными, – как это вообще свойственно войнам.

Война – организованное насилие. Она разрушительна, а не созидательна; она несет смерть, а не жизнь; она служит неподотчетной власти и враждебна свободе.

Тысячи лет тому назад неизвестный поэт написал сочинение «Состязание Гомера и Гесиода», изобразив в нем состязание двух основоположников поэзии Западной цивилизации. Гомеру принадлежит «Илиада», образцовая военная поэма, начинающаяся словами: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»[22]. Гесиод – автор поэмы «Труды и дни», в которой повествуется о том, как вести трудолюбивую и достойную жизнь. Анонимное сочинение о двух поэтах талантливо задумано: один поэт начинает, цитируя строки из своего знаменитого произведения, другой продолжает своими подходящими строками. Гесиод говорит мирно и обыденно, Гомер – воинственно и возвышенно.

Когда состязание подошло к концу, «все эллины воскликнули, что победителем должен быть признан Гомер. Но царь Панед потребовал, чтобы каждый из поэтов продекламировал самый лучший отрывок из своих стихов. И Гесиод произнес следующие строки:

> Лишь на востоке начнут всходить Атлантиды-Плеяды,
> Жать поспешай; а начнут заходить – за посев принимайся… (393–394)

А Гомер на это:

> Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
> Тесно смыкался; касалися светлыми бляхами шлемы,
> Зыблясь на воинах… (XIII 131–133)

И вновь эллины восхищенно приветствовали Гомера, ибо стихи его неизмеримо превышали обычный уровень; и потребовали они, чтобы Гомер был объявлен победителем. Но царь отдал приз Гесиоду, объявив, что получить его должен тот, кто призывает людей к миру и земледелию, а не тот, кто поет им о войнах и побоищах»[23].

Настало время превозносить достоинства мира, сотрудничества и трудолюбия, торговли и коммерции, науки и знания, любви и красоты, свободы и справедливости. Пора оставить позади пороки войны – раздоры и разрушения, грабежи и конфискации, цензуру и запреты, ненависть и страх, насилие и беззаконие. В современном мире, миролюбивом и стремящемся к процветанию, приз должен достаться тем, кто призывает людей к миру, а не к войне и убийству.

---

[22] Здесь и далее «Илиада» цитируется в переводе Н. Гнедича, а «Труды и дни» в переводе В. Вересаева. – *Прим. перев.*

[23] Unknown author, «Of the Origin of Homer and Hesiod, and of their Contest», in Hesiod, the Homeric Hymns, and Homerica, trans. by Hugh E. G. Evelyn-White (Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1914), pp. 585–587. [*Лукач Ю.* Состязание Гомера и Гесиода. http://www.poezia.ru/article.php?sid=108461].

Свобода и мир

Свобода и мир. Именно это предлагают либералы. Свобода и мир – дело сознательного выбора. Они вызволили и продолжают вызволять миллиарды людей из нищеты и страданий. Выбор в пользу свободы и мира – правильный выбор взрослых людей. В этом выборе есть смелость; в нем есть порыв; в нем есть дерзание; в нем есть величие и славный облик, которые неизмеримо выше тех чудовищно искаженных их образов, которые предлагает война. Предпринимательство, процветание, гражданское общество, дружба, достижения, продуктивность, искусство, знание, красота, любовь, семья, удовлетворенность, полнота жизни, счастье – все это дается миром и разрушается войной.

Тем же, кто сетует, что мирное существование слишком «скучно», тем, кто тоскует по вражде, раздору, насилию, много лет назад ответил великий классик либерализма Бенжамен Констан: «Разве мы существуем только для того, чтобы вымостить нашими мертвыми телами вашу дорогу к славе? У вас есть вкус к войне: но нам-то какая от него польза? Вам скучно в спокойное мирное время. Но нам-то что за дело до вашей скуки?»[24]

Человеческая история переполнена войной и убийством. Пора, наконец, вручить приз не тем, кто твердит о войне и убийстве, а тем, кто предан миру и мирному труду.

[24] Benjamin Constant, «The Spirit of Conquest and Usurpation and their Relation to European Civilization», – *Constant, Political Writings*, Biancamaria Fontana, ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), p. 82.

2
Стивен Пинкер
Отступление войны и концепции человеческой природы

Возможно, в это трудно поверить, но войны идут на спад. Что свидетельствует об этом замечательном факте и каковы его причины? Стивен Пинкер – профессор психологического факультета Гарвардского университета. Занимается исследованиями в области языка и проблем сознания. Публикуется в «New York Times», «Time» и «The New Republic». Автор восьми книг, в том числе: «The Language Instinct» («Язык как инстинкт», см. рус. пер.), «How the Mind Works» («Как работает сознание»), «Words and Rules» («Слова и правила»), «The Blank State» («Чистый лист»), «The Stuff of Thought» («Содержание мысли»). Самая последняя – «The Better Angels Of Our Nature: Why Violence Has Declined» («Добрые ангелы нашей природы: почему насилия стало меньше»).

Насколько можно судить, война отступает. За две трети столетия, прошедшие после Второй мировой войны, великие державы, да и вообще развитые страны за редчайшими исключениями не сталкивались на поле боя, – беспрецедентное явление в истории (Holsti 1986; Jervis 1988; Luard 1988; Gaddis 1989; Mueller 1989, 2004, 2009; Ray 1989; Howard 1991; Keegan 1993; Payne 2004; Gat 2006; Gleditsch 2008; обзор см. в: Pinker 2011, глава 5). Вопреки прогнозам экспертов, США и СССР не начали третью мировую войну, а великие державы не вели боевых действий друг против друга со времен окончания Корейской войны в 1953 г. После 600-летнего периода, в течение которого страны Западной Европы каждый год начинали две новые войны, с 1945 г. они не начали ни одной. Если взять самые богатые страны всего мира, а их примерно сорок, то и они не вступали в вооруженные конфликты друг с другом. Еще один приятный сюрприз: после окончания «холодной войны» в 1989 г. количество войн всех видов во всем мире сократилось (Human Security Centre 2005; Lacina, Gleditsch, and Russett 2006; Human Security Report Project 2007; Gleditsch 2008; Goldstein 2011; Human Security Report Project 2011; обзор см. в: Pinker 2011, глава 6). Войны между государствами стали крайне редким явлением, а число гражданских войн, возраставшее в 1960–1990-х годах, уменьшилось. Общемировой уровень смертности от межгосударственных и гражданских войн вместе взятых также неуклонно снижается: почти 300 человек на 100 тысяч жителей планеты во время Второй мировой войны, почти 30 во время Корейской войны, немного больше 10 в эпоху Вьетнамской войны, меньше 10 в 1970–1980-х годах и менее одного в XXI в.

Насколько серьезно следует относиться к данным, свидетельствующим об отступлении войны? Что это – статистическая аберрация, случайное и преходящее везение? Результат некорректной методики, избранной для подсчета войн и их жертв? Период временного затишья в неумолимом круговороте вещей – затишье перед бурей, разлом Сан Андреас перед Великим землетрясением, сухостой, готовый вспыхнуть от тлеющего окурка? На эти вопросы нет точных ответов. В данной статье я рассмотрю их сквозь призму свойств человеческой природы.

Многие эксперты сомневаются, что война в принципе может отступить: человеческая природа, говорят они, не изменилась, и нам по-прежнему свойственна врожденная склонность к насилию, которая постоянно порождала войны в нашей истории. Врожденная агрессивность существует, и доказательств тому достаточно: мы наблюдаем повсеместную агрессивность у приматов и вездесущее насилие в человеческих обществах – убийства, изнасилования, домашнее насилие, восстания, разбои, междоусобицы. Кроме того, есть веские основания полагать, что в ходе эволюции нашего вида некоторые гены, гормоны, отделы мозга и само давление

естественного отбора способствовали насилию (обзор этих вопросов см. в: Pinker 2011, главы 2, 8 и 9). Всего за два поколения людей, которые достигли зрелости с 1945 г., это воздействие не могло стать прямо противоположными и аннулировать результаты нескольких миллионов лет эволюции гоминид. Поскольку наша биологическая тяга к войне никуда не делась, то, согласно этой логике, любые мирные интерлюдии будут преходящи. Тех, кто не считает, что отступление войны – это статистический артефакт или полоса везения, принято называть романтиками, идеалистами и утопистами. Немногочисленные поклонники Руссо и правда глубоко уверовали в его теорию, считая, что изначальная склонность к насилию не присуща человеческой природе: мы, говорят они, – безволосые бонобо (так называемые «шимпанзе-хиппи»), мы наполнены окситоцином и наделены нейронами сочувствия, которые естественным образом делают нас миролюбивыми.

Я не думаю, что мы – «шимпанзе-хиппи», но считаю, что отступление войны – это реальный факт. Как записного реалиста школы Гоббса меня нисколько не смущает утверждение, что отступление войны вполне совместимо с неромантическим взглядом на природу человека. В книге «Чистый лист» («The Blank Slate», 2002) я отмечал, что наш мозг сформировался в ходе естественного отбора и усвоил в числе прочих свойств такие импульсы, как жадность, страх, месть, ярость, мачизм, трайбализм и самообман. Каждый из них по отдельности или в той или иной комбинации способен побудить наш род к насилию. Тем не менее я намерен показать, что это не слишком лестное мнение о человеческой природе нисколько не мешает считать отступление войны реальной и, возможно, устойчивой тенденцией в человеческой истории.

Четыре причины, по которым отступление войны совместимо с реалистическим взглядом на человеческую природу

1. Произошли удивительные вещи

Снижение, а иногда и полное исчезновение насилия определенных видов отнюдь не является чем-то экстраординарным в человеческой истории. В моей книге «The Better Angels 0f Our Nature: Why Violence Has Declined» («Добрые ангелы нашей природы: почему насилия стало меньше») (Pinker 2011) и в книге Джеймса Пейна «A History of Force» («История силы») (Payne 2004) приведены десятки таких случаев. Вот некоторые примеры.

• В анархических племенных обществах уровень военной смертности был, вероятно, раз в пять выше, чем в первых государствах.

• Во всех ранних цивилизациях человеческие жертвоприношения были обычной практикой; к настоящему времени они совершенно исчезли.

• Уровень смертности от насилия в Европе со Средних веков до XX в. сократился по меньшей мере в 35 раз.

• В ходе гуманитарной революции во второй половине XVIII в. все крупные страны Запада отменили пытки как вид уголовного наказания.

• В прошлом в европейских странах смертной казнью карались сотни видов преступлений, – даже такие мелкие, как кража кочана капусты или неодобрительное высказывание о королевском парке. Начиная с XVIII в. смертная казнь стала назначаться только за государственную измену и особо тяжкие уголовные преступления; в XX в. она была отменена во всех демократиях Запада, кроме США. Но и в США 17 из 50 штатов отменили смертную казнь, а в оставшихся число казненных (по отношению к численности населения) составляет ничтожную долю того, что было в колониальный период.

• Некогда рабство было повсюду совершенно законным институтом. В XVIII в. началась кампания за отмену рабства; она распространялась по всему миру и завершилась в 1980 г., когда рабство было запрещено в Мавритании.

• В результате гуманитарной революции были также упразднены охота на ведьм, религиозные преследования, дуэли, кровавые зрелища и долговые тюрьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.